

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816

EDN: EACUCM

Почему люди хотят изменений?

Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены¹

Ссылка для цитирования: Петухов Р. В. Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2S. С. 61–73. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816; EDN: EACUCM

For citation: Petukhov R. V. Why do people want changes? V. V. Petukhov's study of the reasons for the actualisation of the public demand for changes. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 61–73. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816; EDN: EACUCM

**Петухов
Роман Владимирович¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

petukhovrv@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 585300

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты трёхлетнего исследовательского проекта, руководителем и инициатором которого был В. В. Петухов (2018–2021 гг.) и его осмысление этих результатов. Данный проект стал его последним самостоятельным исследованием. Несмотря на тяжёлую болезнь, он продолжал думать о нём вплоть до последних недель своей жизни. В основе проекта лежит желание разобраться и объяснить причины актуализации общественного запроса на перемены, быстро ставшего альтернативой ориентации на стабильность, пользовавшейся массовой поддержкой россиян в конце 2000-х – начале 2010-х гг. Исследование показало, что главной социальной предпосылкой формирования общественного запроса на перемены стал рост числа «самодостаточных» россиян, стремящихся обходиться без помощи государства в решении своих проблем. Его непосредственными причинами являются, во-первых, постепенное разрушение «патерналистского консенсуса», во-вторых, рост социальной напряжённости, а, в-третьих, ухудшение социально-экономического положения многих россиян.

Содержательно запрос на перемены ориентирован на сохранение сформировавшегося в начале 2000-х гг. аттрактора развития, предполагающего эволюционное, а не революционное изменение общества. Он сфокусирован на таких основных идеях, как минимизация разнообразных социальных неравенств, обеспечение социальной справедливости, демократии и величия державы. В нём преобладает социально-экономическая, а не поли-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00277 «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены».

тическая «повестка дня». Ключевыми акторами запроса на перемены являются молодые россияне и представители городского среднего класса, демонстрирующие неудовлетворенность теми аспектами своей жизни, которые определяют их будущее, и пока не имеющие в России институциональных возможностей для их изменения.

Ключевые слова: запрос на перемены, стабильность, социальные изменения, демократия, гражданское участие, политическая и социальная активность, самодостаточность

В конце октября 2018 г. Владимир Васильевич Петухов написал в частном письме одному из своих коллег следующую фразу: *«данные наших последних исследований, очень интересные, пока могу лишь сказать, что наши сограждане похоже просыпаются»*. Речь шла о результатах 9 волны мониторингового исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проводившегося Институтом социологии РАН¹. Полученные тогда данные позволили зафиксировать сдвиг в общественных настроениях в отношении того, что В. В. Петухов обозначил как «запрос на перемены».

Актуализация этого запроса, действительно, была в каком-то смысле пробуждением от тотальной деполитизации, предельным выражением и символом которой стала практически всеобщая поддержка «стабильности». Причем стало пробуждением неожиданным и резким – с весны 2016 г. по осень 2017 г. доля полагающих, что стране нужны перемены, выросла на 20 п.п. и достигла 50% опрошенных (см. рис. 1).

О том, насколько актуализация этого запроса оказалась неожиданной, можно судить хотя бы потому, как летом 2016 г. ситуацию с переменами комментировал В. В. Петухов в своей статье для журнала «Полис»: *«Невозможно отрицать и того, что запрос на сильную власть характерен как для окол властной политической и бизнес-элиты, так и для значительной части россиян. В обществе, судя по полученным в ходе исследования данным, также пока не ощущается потребности в переменах, ни экономических, ни политических. Число россиян, ориентированных на статус-кво, за последние пять лет выросло, причем весьма существенно: с 58% в 2011 г. до 71% в 2016 г. И лишь менее трети опрошенных высказались в поддержку тезиса “Страна нуждается в переменах, глубоких экономических и политических реформах”»* [10, с. 11–12].

В очередной раз социальная реальность оказалась сложнее, чем ее отражение, фиксируемое опросами общественного мнения. Тем не менее, в 2014–2015 гг. в стране произошло столько событий, непосред-

¹ Исследование реализовывалось в 2014–2018 гг. и состояло из 9 волн опросов общественного мнения по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

ственно повлиявших на повседневную жизнь её граждан, что изменения в общественных настроениях были неизбежны. Другое дело, что на фоне «посткрымского» патриотического подъема было не так легко заметить предпосылки будущей актуализации запроса на перемены. Думается, что В. В. Петухову удалось отчасти понять, а отчасти почувствовать, что в обществе зреет потребность в переменах. В уже упоминавшийся статье лета 2016 г. он писал: *«Ориентация на стабильность, однако, вовсе не тождественна согласию общества на застой и деградацию. Россияне боятся вовсе не перемен, а дестабилизации ситуации в стране, радикальной ломки привычных устоев жизни, после которой стране, чтобы прийти в себя, требуются годы, а иногда и десятилетия. Они не имеют ничего против модернизации экономических и политических институтов, но понимают, что демократизация и либерализация российского общества – лишь один, причем не самый вероятный из возможных сценариев выхода России из кризиса»* [там же].

Рис. 1. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены, 2016–2021 гг., %¹

Figure 1. Dynamics of Russians' orientations towards stability or change, 2016–2021, %

¹ При составлении графика использованы данные исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенных по общероссийской выборке (в 2014–2018 гг. N = 4000, в 2019 – 2021 гг. N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Поэтому, когда запрос на перемены стал зафиксированным, по крайней мере опросами общественного мнения, фактом, возникла потребность в его изучении и объяснении. Для этого летом 2018 г. В. В. Петухов инициировал подготовку исследования, полностью сфокусированного на изучении и объяснении роста этого общественного запроса. Его интересовало почему, несмотря на политические пертурбации начала 2010-х гг. и экономические сложности 2014 г., запрос на перемены актуализировался именно в 2016–2017 гг. В феврале 2019 г. Российский Фонд фундаментальных исследований поддержал это проект, получивший название «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены».

Основная цель проекта была обозначена, как анализ причин и последствий перелома в общественных настроениях, связанного с актуализацией запроса на перемены. При этом, предполагалось оценить представления различных социальных и социально-демографических групп о необходимости перемен, их содержании и направленности, а также выявить и описать основных акторов этого запроса. С началом эпидемии коронавируса, совпавшей со вторым этапом реализации проекта, в число исследовательских задач было включено также определение характера влияния эпидемии коронавируса COVID-19 на общественный запрос на перемены.

В рабочую группу проекта помимо В. В. Петухова вошли его коллеги по Центру комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН Ю. В. Латов, Н. В. Латова, Н. Н. Седова, Н. Д. Коленникова и автор настоящей статьи. Исследовательский проект включал в себя как теоретическую разработку проблемы общественного запроса на перемены, так и работу с эмпирическими данными. Специальных массовых опросов в рамках проекта не проводилось, но активно анализировались данные, полученные в рамках мониторинговых многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН. Для более глубокого понимания изучаемого феномена и обогащения результатов, полученных по итогам анализа данных массовых опросов общественного мнения, в 2020 г. была проведена серия из 6 фокус-групп в Москве, Московской области и Республике Удмуртия, а в 2021 г. экспертный опрос представителей разных общественных и гуманитарных наук.

Исследование общественного запроса на перемены осуществлялось на пересечении таких значимых направлений современной социальной мысли, как теория социальных изменений [22; 19; 6; 20 и др.], социологии революций [3; 16; 17; 20 и др.], теории модернизации [2, 7] и активистско-деятельностного подхода [24; 4; 21 и др.]. Субъективацию стремления к переменам и к стабильности участники проекта анализировали с опорой на традицию, заложенную Т. Парсонсом, согласно которой актор (индивидуальный или коллективный) является носителем деятельного начала, выступая в качестве мотиватора и источника социального действия [9, с. 76–78].

«Перемены», в контексте настоящего исследования, понимались, как социальные изменения, объектами которых в самом общем виде является российское общество, а более конкретно – институты и «правила игры», регулирующие взаимоотношения различных социальных групп. По предложенной П. Штомпкой типологии, существенные (отличающиеся от повседневных) изменения могут носить либо морфогенетический (в рамках бифуркации того или иного уровня), либо трансмутационный (в рамках движения общества по прежнему аттрактору) характер [18, с. 37–40]. Первые нацелены на образование в общественной жизни чего-то принципиально нового, а вторые – на сохранение существующего положения за счёт изменения некоторых её аспектов. Определение того, каких изменений – морфогенетических или трансмутационных – хотят современные россияне, формируя запрос на перемены, являлось одним из главных вопросов исследования.

Важным теоретическим ресурсом для понимания общественного запроса на перемены стал предложенный З. Бауманом теоретический концепт «ненаправленности перемен», подчеркивающий их «текущий» характер и отсутствие какого-то заранее определенного направления движения. Как писал мэтр, в условиях «текущей современности» люди утратили способность переводить собственные потребности в изменении своего социального положения в план общественного переустройства [1, с. 13].

Термин «общественный запрос» нередко встречается в отечественных научных и публицистических публикациях, но строго нигде не определяется [15]. Поэтому В. В. Петухов предложил собственную трактовку этого понятия, определив его как формирующиеся в процессе социальной коммуникации *«сообщение (посыл), исходящее от общества в целом или от его части и адресованное либо власти, либо другой части общества»* [11, с. 40]. В свою очередь, понимаемый в таком ключе общественный запрос на перемены предполагает *внешне выраженный (как минимум фиксируемый опросами общественного мнения) посыл определенной части общества (акторов этого запроса) о необходимости смены приоритетов развития страны с обеспечения социально-экономической и политической стабильности на активизацию экономических, социальных и политических преобразований* [14, с. 121].

Неизбежным рефреном для общественного запроса на перемены, актуализировавшего в 2016–2017 гг., является перестройка, сопровождавшаяся целым рядом ярких высказываний, например, таких как песня «Мы ждём перемен» рок-группы «Кино» на слова В. Цоя. Однако, исследования показали, что в отличие от конца 1980-х гг., современный запрос на перемены пока мало политизирован, аморфен и сфокусирован в основном на социально-экономический «повестке». На данном этапе он носит внутрисистемный характер, то есть предполагает сохранение сформировавшегося в начале 2000-х гг. траектории развития и ориентирован на эволюционное изменение общества, а не на его радикальную институциональную трансформацию. Если исходить из предложенной П. Штомпкой типологии социальных изменений, то следует признать,

что существующий сегодня в России запрос на перемены предполагает трансмутационные изменения, направленные на адаптацию общества к изменившимся внешним условиям.

В содержательном плане запрос на перемены представляет собой набор пожеланий, прежде всего связанных с минимизацией разнообразных неравенств и повышением эффективности государственного управления. Согласно данным опроса, проведённого в июне 2019 г., перемены виделись необходимыми по таким направлениям, как «усиление социальной справедливости и борьба с коррупцией» (эту позицию отметили 60% опрошенных) и «экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости экономики России» (38%). При этом, реформирование политической системы и обеспечение сменяемости власти сочли актуальным лишь 12 и 17% респондентов соответственно.

Естественно, что эпидемия коронавируса сместила некоторые акценты в оценке значимости ориентиров для трансформации российского общества (см. рис. 2). Так, судя по данным опроса, проведенного весной 2021 г., в первую тройку наиболее значимых задач развития страны помимо «жесткой борьбы с коррупцией и наведения порядка» и «смягчения социальных неравенств, преодоления чрезмерной социальной дифференциации между разными группами и слоями общества», которые отметили 40% и 37% опрошенных соответственно, вошло «существенное увеличение бюджетного финансирования медицины, образования, культуры» (33%). Тем не менее, общая с доковидными временами нацеленность на социально-экономические, а не политические изменения явным образом сохранилась.

Государство вместо того, чтобы успокоить фрустрированную часть общества (по данным опросов начиная с 2015 г. по весну 2021 г. не менее трети опрошенных сообщали о том, что находятся в «негативном» социально-психологическом состоянии, постоянно испытывая тревожность, раздражённость, озлобленность или агрессивность), стало усиливать фискальную нагрузку на граждан, повышать пенсионный возраст, бороться с самозанятыми и т. п. Именно с этого момента опросы общественного мнения стали фиксировать рост общественного запроса на перемены.

Отвечая на вопрос о том, что же привело к взрывному росту запроса на перемены в 2016–2017 гг., В. В. Петухов писал, что *«невозможно отрицать наличие глубоких культурных и психологических особенностей российского общества, которые, вступая во взаимодействие с вновь возникшими реалиями, нередко давали весьма неожиданные реакции. Однако есть основания полагать, что нынешнее поколение россиян реагировало и реагирует на ситуацию в стране и изменения в ней в целом вполне рационально. И внешне внезапный переход от одного состояния общества к другому, выглядит таковым лишь на первый взгляд. Предпосылки к изменению отношения к перспективам будущего страны формировались на протяжении по меньшей мере трех последних лет и лишь в 2017 г., в ситуации нарастающей неопределённости, стали оформляться в потребность (еще до конца не отрефлексированную) в переменах»* [10, с. 43].

Действия российских властей в условиях экономического и внешнеполитического кризиса 2014 г. поставили под вопрос жизненные планы среднего класса, приобретшего в России в середине 2010-х гг. массовый характер [18, с. 46], и заставили усомниться эту часть общества в возможности поддержания достигнутого уровня жизни и социального статуса. Запрос на перемены возник на фоне тревожной неопределённости будущего страны. Это заставило многих увидеть в стабильности не условие относительно спокойного существования, но вероятность консервации застойных и даже кризисных явлений социальной жизни. В. В. Петухов писал в 2018 г., что актуализировавшийся запрос на перемены – это «не отрицание стабильности как общественного блага, тем более в стране, пережившей в своей новейшей истории множество катаклизмов, а скорее понимание исчерпанности, реализуемой властями в данный исторический момент инерционно-охранительной парадигмы общественного развития» [10, с. 43].

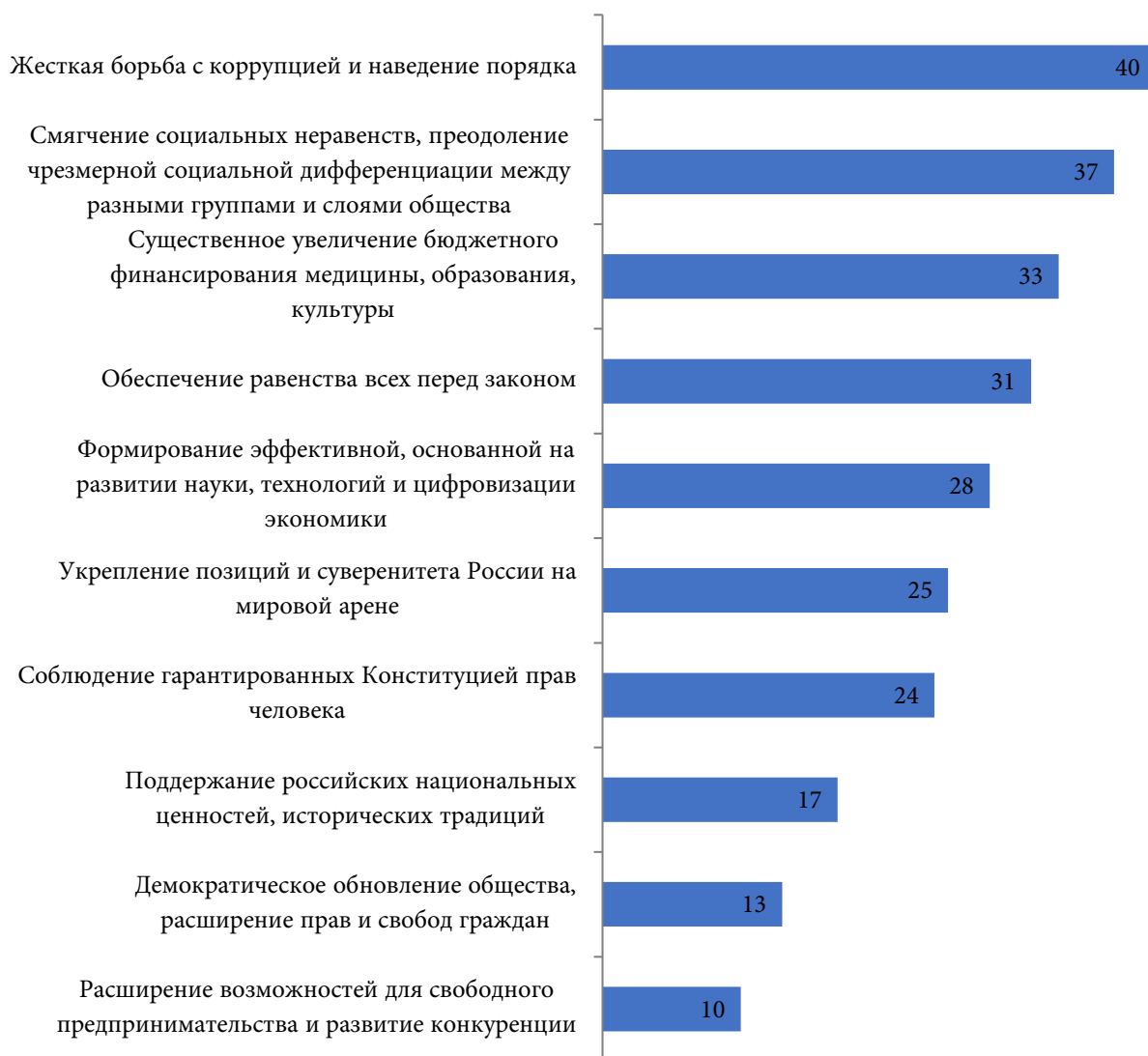

Рис. 2. Первоочередные задачи для дальнейшей трансформации российского общества с учетом новых реалий, 2021 г., %

Figure 2. Priority tasks for the further transformation of the Russian society, taking into account new realities, 2021, in %

Главной же социальной предпосылкой актуализации запроса на перемены стало увеличение доли «самодостаточных» россиян, стремящихся добиваться успеха в жизни без поддержки со стороны государства. «Самодостаточных» россиян в качестве самостоятельного объекта социологического анализа выделили и описали в 2015 г. М. К. Горшков и Н. Н. Седова [5]. По нашим оценкам, основанным на данных опроса, проведённого в октябре 2018 г., к «самодостаточной» группе могли быть отнесены 49% опрошенных, а к «патерналистской» (несамодостаточной) и к «промежуточной» – 24% и 27% респондентов соответственно¹. При этом, среди сторонников перемен, действительно, оказалось больше, чем в среднем по выборке, респондентов с «самодостаточным» мировоззрением и, напротив, заметно меньше тех, кого можно назвать «патерналистами». И, наоборот, среди приверженцев стабильности было меньше опрошенных из «самодостаточной» группы и больше – «патерналистов» (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение представителей «самодостаточной», «патерналистской» и «промежуточной» групп среди сторонников перемен и приверженцев стабильности, 2018, %

Distribution of representatives of “self-sufficient”, “paternalistic” and “intermediate” groups among supporters of change and supporters of stability, 2018, %

	Да, страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны	Нет, страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	Все опрошенные
«Самодостаточная» группа	58	39	49
«Промежуточная» группа	23	25	24
«Патерналистская» группа	19	36	27

Важным представляется подчеркнуть, что конструируемая на основе данных опросов общественного мнения группа, условно называемая «самодостаточной», не является и не может являться актором запроса на перемены. Это не обладающая реальной социальной субъектностью аналитическая категория, фиксирующаяся исключительно на оценке распространённости у современных россиян патерналистских установок. Тем не менее, игнорирование потребности большого числа людей в минимизации участия государственной власти в их повседневной жизни, не может не влиять на их отношение к тому, что происходит в стране. Метафорически «самодостаточных» россиян можно рассматривать как субстрат, в котором вызревает запрос на перемены.

Именно поэтому в «самодостаточной» группе много тех, кто полагает необходимым во что бы то ни стало сохранять социальную стабильность, избегая перемен. Ориентация на самостоятельное (без помощи

¹ Подробнее о том, как выделялись «самодостаточная», «патерналистская» и «промежуточная» группа см.: [13, с. 110–116].

государства) удовлетворение своих потребностей, инициативность и нацеленность на активное отстаивания собственных интересов характерна не только для молодёжи и городского среднего класса, но и для тех, кого можно назвать бенефициарами 2000-х гг. Эти люди, накопив определённый материальный и социальный капитал, обладают высоким «запасом прочности» и на данный момент не готовы рисковать своим благополучием.

В заключение же следует сказать о тех, кого В. В. Петухов рассматривал в качестве основных акторов запроса на перемены. Наиболее очевидным и интуитивно понятным является предположение, что потребность в переменах в наибольшей степени актуализирована у молодёжи. И это действительно так. Согласно данным опроса, проведённого в июне 2019 г., в самой младшей возрастной когорте (18–24-летние) доля респондентов, поддерживающих перемены, достигла рекордных 75%, что на 18 п.п. больше, чем в среднем по выборке.

Однако, отношение молодёжи к переменам имеет не только количественные, но и качественные особенности. По наблюдениям В. В. Петухова, российская молодёжь не просто генерирует запрос на социально-экономические и политические изменения, но имеет альтернативный взгляд на приоритеты будущего развития страны. В этой демографической группе востребованы идеи социальной справедливости, демократии и нормализации отношений с Западом [10, с. 128–130]. В то же время нельзя и переоценивать идеологическую индоктринированность молодых россиян. Как отмечал В. В. Петухов, *«молодёжный запрос на демократизацию инструментален и связан, с одной стороны, с недовольством свёртывания прав и свобод, которые молодые россияне считают для себя важными, например, права на свободное распространение информации и свободное выражение своих взглядов, а с другой — с недопредставленностью её интересов в публичной политике»* [там же].

Кроме того, разбираясь в акторстве молодёжи, необходимо удерживать в фокусе внимания различие между общественным запросом на перемены и теми индивидуальными и коллективными действиями, которые могут привести к социально-политическим изменениям. Находясь на завершающей стадии исследования, иногда кажется, что более продуктивным было использовать иную метафору и говорить не об «акторах», а о «генераторах» общественного запроса на перемены, так как это точнее передаёт суть исследуемого явления. Так, исследования показывают, что молодые россияне, соглашаясь с необходимостью перемен, не готовы выступать самостоятельным актором действия, направленного на его практическую реализацию. Из всего множества возможных причин В. В. Петухов выделял сильную социальную дифференцированность этой группы и отсутствие у неё собственной институциональной субъектности [11, с. 134–135]. При этом, в случае формирования в стране «коалиции перемен», молодые россияне, благодаря характерной для них заинтересованности в изменениях и заряженности на практические социальные действие, способны стать важной её частью.

Подводя итоги, хочется отметить, что трёхлетний исследовательский проект, инициированный В. В. Петуховым, позволил ответить на интересовавшие его вопросы и лучше понять причины актуализации в 2016–2017 гг. общественного запроса на перемены. Исследования, проведённые другими членами рабочей группы проекта «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» позволил лучше понять какое влияние на выбор в пользу перемен или стабильности оказывают социально-экономические и политико-идеологические факторы, а также как на изучаемый запрос повлияла эпидемия коронавируса COVID-19.

Если резюмировать сделанные в рамках исследования выводы, то, прежде всего, надо отметить, что общественный запрос на перемены имеет пока форму политического высказывания, адресатом которого является действующая власть. Акторы запроса на перемены ощущают недопредставленность своих интересов в решениях и действиях властей, а также разочарование от обманутых надежд. Чем дольше эта ситуация будет продолжаться, тем больше вероятность трансформации чувства ресентимента в коллективные действия по отстаиванию своего видения будущего. Однако, пока трансформация общественного запроса на перемены в конкретных практиках гражданского участия тормозится, с одной стороны, аполитичностью значительной части россиян, а, с другой стороны, кризисом большинства легальных институтов демократического участия и обратной связи общества и государства.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017. 403 с.
3. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект», 2005. 528 с.
5. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.
6. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 398 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 11(3). 2019. С. 119–134. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134

9. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
10. Петухов В. В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 8–24. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
11. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. № 11. 2018. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5
12. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621.
13. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09.
14. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.08.
15. Сидоров А. А. Общественный запрос в периоды социальной турбулентности (по материалам социологического исследования в г. Томск) // Социодинамика. 2021. № 11. С. 22–42. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.11.36950
16. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Институт Гайдара, 2017. 552 с.
17. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: ИД ВШЭ, 2019. 432 с.
18. Тихонова Н. Е. Особенности статусной идентичности и потребление среднего класса // Социологические исследования. № 1. 2015. С. 44–54.
19. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
21. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
22. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. 2, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
23. Social Change and Modernity / Ed. by Haferkamp H., Smelser N. J. Berkley et al: University of California Press, 1992. 444 p.

24. Sztompka P. Society in action. The theory of social becoming. Cambridge, Polity Press, 1991. 219 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петухов Роман Владимирович, кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816

EDN: EACUCM

Why Do People Want Changes? V. V. Petukhov's Study of the Reasons for the Actualisation of the Public Demand for Changes

Roman V. Petukhov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: petuhovrv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0940-9315

For citation: Petukhov R. V. Why do people want changes? V. V. Petukhov's study of the reasons for the actualisation of the public demand for changes. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 61–73. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816; EDN: EACUCM

Abstract. The article presents the results of a three-year research project initiated and led by V. V. Petukhov. The project was his last independent study. Despite a serious illness, he continued to think about it until the last weeks of his life. The project is based on the desire to understand and explain the reasons for the actualisation of the public demand for change, that quickly became an alternative to the orientation towards stability that enjoyed the mass support of Russians in the late 2000s and early 2010s. The study showed that the main social prerequisite for the formation of a public demand for change was the growth in the number of “self-sufficient” Russians seeking to do without the help of the state in solving their problems. Its immediate causes are, firstly, the gradual destruction of the “paternalistic consensus”, secondly, the growth of social tension caused by the intrusion of public policy into the private lives of people, and, thirdly, the deterioration of the socio-economic situation of many Russians.

Content-wise, the demand for change is oriented towards preserving the attractor of development formed in the early 2000s, that implies an evolutionary, rather than a revolutionary change in society. It focuses on such basic ideas as minimising various social inequalities, ensuring social justice, democracy and the greatness of the state. It is dominated by a socio-economic rather than a political “agenda”. The key actors in the demand for change are young Russians and representatives of the urban middle class, who demonstrate dissatisfaction with those aspects of their lives that determine their future, and who do not yet have the institutional capacity in Russia to change them.

Keywords: demand for change, stability, social changes, democracy, civic participation, political and social activism, self-sufficiency

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter, 2008: 240 (in Russ.).
2. Welzel C. Rozhdenie svobody [Freedom rising]. Moscow, VCIOM, 2017: 403 (in Russ.).
3. Gurr T. R. Pochemu lyudi buntuyut [Why men rebel]. St. Petersburg, Piter, 2005: 464 (in Russ.).
4. Giddens A. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. 2-e izd. Moscow, Akademicheskij proekt, 2005: 528 (in Russ.).

5. Gorshkov M. K., Sedova N. N. «Samodostatochnye» rossiyanе i ih zhiznennye priority [“Self-sufficient” Russians and their life priorities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 12: 4–16 (in Russ.).
6. Zaslavskaya T. I. Sovremennoe rossijskoe obshchestvo. Social’nyj mekhanizm transformacii [Modern Russian society. The social mechanism of transformation]. Moscow, Delo, 2004: 398 (in Russ.).
7. Inghart R., Welzel C. Modernizaciya, kul’turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatel’sтво, 2011: 464 (in Russ.).
8. Latova N. V. Actors of the request for institutional changes in modern Russia (socio-psychological context)]. *Journal of Institutional Studies*, 2019: 11(3): 119–134 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134
9. Parsons T. O social’nyh sistemah [The Social System]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2002: 832 (in Russ.).
10. Petuhov V. V. The crisis reality and prospects of political transformation of the russian society. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016: 5: 8–24 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
11. Petuhov V. V. Dynamics of social moods of Russians and formation of request for changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 11: 40–53 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002784-5
12. Petuhov V. V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social’nye peremeny*, 2020: 3: 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
13. Petuhov V. V., Petuhov R. V. Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019: 5: 119–133 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09
14. Petuhov R. V. Request for Change: Political and Value Dimension. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2020: 6: 103–118 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.08
15. Sidorov A. A. Public inquiry during periods of social turbulence (based on the materials of a sociological study in Tomsk). *Sociodinamika*, 2021: 11: 22–42 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.11.36950
16. Skocpol T. Gosudarstva i social’nye revolyucii: sravnitel’nyj analiz Francii, Rossii i Kitaya [States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China]. Moscow, Institut Gajdara, 2017: 552 (in Russ.).
17. Tilly C. Ot mobilizacii k revolyucii [From Mobilization to Revolution]. Moscow, ID VSHE, 2019: 432 (in Russ.).
18. Tihonova N. E. Osobennosti statusnoj identichnosti i potreblenie srednego klassa [Features of status identity and middle class consumption]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 1: 44–54 (in Russ.).
19. Hantington S. Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvakh [Political order in Changing Societies]. Moscow, Progress-Tradiciya, 2004: 480 (in Russ.).
20. Sztompka P. Sociologiya social’nyh izmenenij [The Sociology of Social Change]. Moscow, Aspekt Press, 1996: 416 (in Russ.).
21. Eisenstadt S. N. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel’noe izuchenie civilizacij [Revolution and the Transformation of Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1999: 416 (in Russ.).
22. Yadov V. A. Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya kak konceptual’naya baza issledovaniya rossijskih transformacij: Kurs lekcij dlya studentov magistratury po sociologii [Modern Theoretical Sociology as a conceptual basis for the study of Russian Transformations: A course of lectures for Graduate students in Sociology]. St. Petersburg, Intersocis, 2009: 138.
23. Social Change and Modernity / Ed. by Haferkamp H., Smelser N. J. Berkley et al., University of California Press, 1992: 444.
24. Sztompka P. Society in action. The theory of social becoming. Cambridge, Polity Press, 1991: 219.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Petukhov, Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of FCTAS RAS